

З. В. УДАЛЬЦОВА

К ВОПРОСУ О МЕЛКОМ СВОБОДНОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В ИТАЛИИ НАКАНУНЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Наиболее сложной проблемой при изучении характера изменений в отношениях собственности, происходивших в Италии в период правления остготов, является вопрос о мелком свободном землевладении. Хотя этот вопрос и привлекал внимание исследователей¹, но он не получил еще в научной литературе своего окончательного разрешения.

Разрешение его крайне затрудняется чрезвычайной скудостью данных источников о мелкой крестьянской собственности в Италии в этот период и почти полным отсутствием прямых известий об общинных отношениях у остготов.

Поселение довольно значительного числа свободных остготских воинов на территории Италии, на наш взгляд, привело, особенно на первых порах, к некоторому увеличению удельного веса мелкого свободного землевладения². Однако при рассмотрении этого вопроса необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что наделение остготов земель происходило за счет конфискации земельных владений воинов Одоакра, а значительная часть этих владений состояла из мелких наделов.

Часть рядовых воинов из ругов, сциров и других племен, поддерживавших Одоакра, по-видимому, была включена в состав остготской армии и сохранила в какой-то степени свои земельные наделы³. Но все же можно считать установленным, что в результате компромисса между остготской знатью и римской аристократией наделение большей части остготов земель произошло, главным образом, за счет мелких земельных собственников Италии, — как из числа итальянских крестьян,

¹ П. Виноградов („Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии“. СПб., 1880) особо подчеркивает, что поселение остготов в Италии в конечном счете не привело к существенному увеличению числа мелких земельных собственников, и отстаивает тезис о сильном воздействии римских форм землевладения на земельные отношения у остготов (там же, стр. 90, 104 и сл.). Л. М. Хартманн (L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens im Mittelalter*, Bd. I. Leipzig, 1897; L. M. Hartmann. *Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter*. Gotha, 1904, etc.), наоборот, считает, что остготское завоевание привело к укреплению мелкого крестьянского землевладения в Италии в конце V—начале VI в. См. также F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV. Würzburg, 1866; W. Ensslin. *Theoderich der Grosse*, München, 1951; P. S. Leicht. *Operari artigiani agricoltori in Italia del secolo VI al XVI*. Milano, 1946; G. A. Punzi. *L'Italia del VI secolo nelle... Variae di Cassiodoro*. Aquila, 1927; G. Salvioli. *L'Italia agricola nelle lettere di Cassiodoro*. „Studi di storia napoletana in onore di M. Schipa“. Napoli, 1925; E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949 etc.

² См. З. В. Удальцова. Раздел земли между остготами и римлянами в конце V века. СВ, т. VIII, М., 1956.

³ Procop. *De bello Gothico*, lib. I, cap. I, 25.

так и „варваров“, живших на ее территории⁴. Таким образом вряд ли перераспределение собственности во время поселения остготов могло привести к значительному увеличению удельного веса мелкого свободного землевладения в масштабах всей страны. Кроме того, надо учитывать, что лучшие земли были захвачены остготской знатью, которая к тому же очень скоро после раздела земель начала производить незаконные захваты имущества мелких собственников⁵.

Мы, к сожалению, не располагаем данными источников, позволяющими с достаточной полнотой определить масштабы распространения мелкого свободного землевладения в Италии VI в., однако, законодательные и другие памятники того времени содержат некоторые сведения, дающие возможность судить о том значении, которое имело мелкое свободное землевладение в остготском государстве.

В связи с тем, что терминология источников остготского времени отличается крайней расплывчатостью, для определения степени распространения свободного крестьянства в Италии в конце V—начале VI в. чрезвычайно важно выяснить, под покровом каких терминов скрываются в источниках той эпохи мелкие свободные землевладельцы.

В эдикте Теодориха к свободным людям, в том числе к мелким свободным земледельцам, обычно прилагается общий термин *ingenui*⁶. В труде Кассиодора мелкий свободный земледелец обозначается термином *cultor agri*⁷, а в более отвлеченном, риторическом смысле — *agricola*⁸. Кроме того, в „*Variae*“ Кассиодора мелкие свободные землевладельцы довольно часто фигурируют под более общими, порою весьма неопределенными терминами — *поссессоры*, *трибутари* и *рустики*. Выяснение реального значения этих терминов не только поможет определению масштабов распространения свободного крестьянства, но одновременно и прольет некоторый свет на положение отдельных категорий свободного сельского населения Италии в конце V—начале VI в.⁹

Поссессоры. Термин *поссессоры* (*possessores*) в источниках конца V—VI в. имеет весьма широкое значение и применяется как по отношению к крупным, так и к мелким землевладельцам¹⁰. В труде Кассиодора этот термин встречается довольно часто; в большинстве случаев он носит обобщающий характер и относится к различным по своему имущественному положению группам владельцев земли и другого имущества¹¹. Однако для выяснения вопроса о мелком крестьянском землевладении в остготском королевстве весьма важным является то обстоятельство, что этим термином у Кассиодора обозначаются и мелкие землевладельцы. Это явствует из того, что *поссессоры* упоминаются в его труде среди плательщиков государственных налогов (*трибутари*)¹². Конечно, и крупные землевладельцы являлись плательщиками

⁴ Рассмотрению этого вопроса посвящена другая работа автора данной статьи.

⁵ *Cassiodori Senatoris Variae*, ed. Th. Mommsen. MGH, Auct. ant., t. XII. Berolini, 1894, I, 19; III, 38; IV, 9, 27, 39; V, 3, 12, 17, 29, 30; VI, 30; VII, 3, 28, 39; IX, 8, 18; XI, 25; ETh, § 10, 34, 43—44; 75—77; 104—105.

⁶ ETh, § 8, 17, 59, 63—66, 78—79, 82, 83, 94, 96, 97, 103.

⁷ *Cassiod. Variae*, IV, 51; X, 27 etc.

⁸ *Ibid.*, IV, 51, § 5; V, 39, § 1; VII, 45, § 1; IX, 10, § 2; X, 27, § 1; XII, 22, § 5.

⁹ О положении различных категорий крестьянства в поздней Римской империи см. Е. М. Штаерман. К вопросу о крестьянстве в Западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1952, № 2, стр. 100—121.

¹⁰ См., например, ETh, § 10—12, 69, 76, 132, 136 etc.

¹¹ *Cassiod. Variae*, I, 26, 29; II, 17, 25; III, 9, 42, 44, 49, 51; IV, 8, 11; V, 9, 14, 15, 20, 26, 39; VI, 8, 9, 24; VII, 22; VIII, 29, 31, 33; IX, 5, 10, 11, 18, 25; XI, 4, 7, 14; XII, 2, 5, 8, 9, 10, 16, 17, 23, 28.

¹² *Ibid.*, V, 39; XI, 7; XII, 2, 16, 28.

государственных налогов: они уплачивали подати за своих колонов и других зависимых людей; однако красочные описания бедствий и разорения трибутариев Италии, которых так много в труде Кассиодора¹³, убеждают нас в том, что в приведенных у него рескриптах и посланиях остготских королей речь идет, в первую очередь, о мелких госсессорах, владеющих небольшими участками земли. Именно для этой части свободных землевладельцев были особенно обременительными налоги и притеснения налоговых сборщиков.

Необходимо при этом отметить, что в источниках остготского времени термин *possessor* значительно определеннее, чем другие термины, указывал на владельческие права земельных собственников (в том числе и мелких) на их участки земли¹⁴. Можно предположить, что этот термин в остготском королевстве применялся по отношению к той категории мелких и средних земельных собственников, которые в большей степени, чем другие группы свободного крестьянства, сохраняли свои владельческие права на землю. Привлекает особое внимание также и то обстоятельство, что термин *possessor* в остготском королевстве, в отличие от поздней Римской империи, применялся не только по отношению к муниципальным землевладельцам¹⁵, но и по отношению к лицам, владевшим землей вне курий и не являвшимся представителями сословия декурионов. Это явствует со всей определенностью из анализа данных источников остготского времени. Так, например, в эдикте Теодориха не проводится какого-либо разделения на поссессоров, владевших землями, которые числились в составе городских территорий, и землевладельцев, имевших земли вне курий¹⁶. В эдикте Аталариха термин *possessore* прилагается равным образом к владельцам городских и сельских участков¹⁷. Кассиодор лишь в отдельных случаях применяет этот термин для обозначения муниципальных землевладельцев¹⁸, — обычно же он не проводит различия между муниципальными землевладельцами и поссессорами, владевшими землями вне курий¹⁹.

Итак, в остготском королевстве термином *possessores* обозначались наряду с крупными землевладельцами также и средние и мелкие земельные собственники, владевшие участками земли в куриях и вне их. Довольно широкое применение этого термина по отношению к мелким и средним свободным собственникам может служить, по нашему мнению, косвенным свидетельством сохранения и даже, быть может, некоторого укрепления этой прослойки свободного сельского населения Италии в конце V—начале VI в.

Трибутари и. В труде Кассиодора термином *tributarius*²⁰ в ряде случаев обозначаются плательщики государственных налогов из числа лично свободных людей, имеющих свое маленькое хозяйство и возделывающих трудом своих рук небольшое поле²¹. Так, например, в послании (от 533 г.) самого сенатора Кассиодора (в бытность его префектом претория), обращенном ко всем правителям провинций

¹³ Cassiod. *Variae*, IV, 36; V, 39; IX, 9; X, 27; XI, 7, 15; XII, 2, 16, 28.

¹⁴ *Ibid.*, VIII, 31, § 4; VIII, 33, § 2 etc.

¹⁵ Е. М. Штаерман („К вопросу о крестьянстве...“, стр. 105—108) полагает, что термин *possessore* в поздней Римской империи применялся преимущественно к муниципальным землевладельцам.

¹⁶ *ETh.*, § 10—12, 76, 132, 136.

¹⁷ Cassiod. *Variae*, IX, 18, § 1.

¹⁸ *Ibid.*, VIII, 31, 33, § 2; IX, 7, § 2—4; XI, 15, § 2.

¹⁹ *Ibid.*, IX, 18, § 2; XI, 7, § 2, 3, 4; XII, 2, § 1, 4; 16, § 2—3; 28, § 8.

²⁰ *Ibid.*, IV, 36; V, 39; IX, 9; X, 27; XI, 7, 15; XII, 2, 16, 28.

²¹ *Ibid.*, IV, 36; V, 39; X, 27; XI, 7.

с увещанием к налогоплательщикам аккуратно платить государственные подати, о трибутариях прямо говорится как о лично свободных людях, хозяевах своего поля. Напоминая плательщикам, как дурно платить налоги под угрозой штрафа, Кассиодор особо подчеркивает, сколь достойно свободного человека ничего не быть должным чиновникам казначейства²². „Только то поле, — пишет автор, — приятно для хозяина, где явившийся сюда сборщик не вызывает страха“²³. В этом же послании Кассиодор предписывает правителям провинций „побудить владельца, чтобы он в три приема как [человек] преданный, в определенные сроки выполнил свои обязанности“²⁴. В другом месте этого послания трибутарий опять-таки выступает как владелец (possessor) участка земли, за который он платит налоги: „Пусть владелец, — пишет Кассиодор, — платит только то, что он должен фиску...“²⁵.

Предписывая налогоплательщикам аккуратно, без всяких отсрочек и промедлений вносить установленные подати, Кассиодор отмечает, что добросовестность владельцев при уплате налогов более всего приятно государству²⁶. В послании короля Теодата от 535/36 г. трибутарии Лигурии и области венетов предстают перед нами как земледельцы, обрабатывающие свое поле (cultores)²⁷.

В рескрипте 509 г. на имя префекта претория Фауста король Теодорих упоминает о том, что королевские войска во время своего похода опустошили возделанные поля трибутариев в области Коттийских Альп, так что они не могли больше платить налоги²⁸. Рассказывая о притеснениях налогоплательщиков Испании, Кассиодор замечает в одном из своих писем: „Говорят, что сборщики налогов обременяют наследственное имущество владельцев тягостными взысканиями, так что это кажется не сбором [налогов], а грабежом“²⁹. В послании 534 г. ко всем провинциальным судьям префект претория Кассиодор, подчеркивая свое бескорыстие по отношению к налогоплательщикам, писал: „Я возношу благодарность божеству за то, что и провинциалы сделали то, в чем я их убеждал, и я выполнил все, что обещал. Ибо никто не чувствует, что я осквернен какой-либо продажностью, и я не имел трибутариев, не преданных мне“³⁰. В этом послании, так же как и в предшествующих, Кассиодор говорит о трибутариях, как о владельцах земли: „Пусть, — пишет он, — владелец вносит мне охотно государственные налоги“³¹. Правителям провинций он предписывает, чтобы они и чиновники их канцелярий „...убеждали владельца, чтобы налоги 13-го индиктиона (535 г.) он заплатил со всей преданностью, сохраняя норму трех взносов, и внес их, как установленный налог государству“³². В другом послании остготского правительства прямо говорится, что

²² Cassiod. Variae, XI, 7, § 2. Cp. XII, 28, § 9.

²³ Ibid. XI, 7, § 2: „... ille solus delectabilis ager est domino, in quo supervenire non timetur exactor“.

²⁴ Ibid., XI, 7, § 3.

²⁵ Ibid., § 4: „... possessor nihil aliud, nisi quod publico debetur exolvat...“.

²⁶ Ibid., § 4. Cp. § 5 и XII, 16, § 2.

²⁷ Ibid., X, 27, § 1,2: „... cultor agri ad futuram famem deseritur, nisi ei, cum necesse fuerit, subvenitur...“.

²⁸ Ibid., IV, 36, § 2.

²⁹ Ibid., V, 39, § 5: „Exigentes vero assem publicum per gravamina ponderum premere dicuntur patrimonia possessorum, ut non tam exactio quam praeda esse videatur“.

³⁰ Ibid., XII, 2, § 1.

³¹ Ibid., § 1: „... possessor mihi publicas pecunias libens inferat...“.

³² Ibid., XII, 2, § 5. То же требование и в тех же выражениях Кассиодор повторяет и в другом послании от 537 г.: Cassiod. Variae, XII, 16, § 3.

трибутарики имеют свое имущество (*substantia*), которое следует охранять от посягательств налоговых сборщиков и других чиновников³³.

Таким образом, „*Variae*“ Кассиодора не оставляют сомнения в том, что во времена правления первых остготских королей под термином „трибутарики“ — „налогоплательщики“ иногда подразумевались мелкие свободные землевладельцы Италии, платящие налоги в пользу государства. Экономическое положение их, повидимому, было весьма тяжелым. Недаром Кассиодор в одном из своих писем говорит, что трибутарики были „столь подавлены жестокостью своих бедствий, что давно уже пали духом“³⁴.

Вместе с тем необходимо отметить, что в категорию „трибутарики“ — „налогоплательщиков“ Кассиодор включает также и арендаторов, снимающих в аренду земли королевского дома³⁵. О положении этой категории сельского населения он пишет следующее: „Арендаторы земель королевского дома, какого бы племени они ни были, выяснив полностью истину, должны заплатить лишь столько, сколько полагается, чтобы выплачивали наши имения. И чтобы кому-либо его труд не казался бы неблагодарным, мы желаем, чтобы налог, платимый ими за землю, был установлен для них вами³⁶ со всей справедливостью, согласно с качеством арендуемого имущества. Ведь придется сказать, что эти земли уже не наши, а их, если норма взноса будет определяться желанием арендующего“³⁷. В *formula comitivae privatarum*, сохраненной у Кассиодора, содержатся ценные данные о том, что на королевских землях в остготском государстве жили лично свободные наследственные арендаторы-перпетуарики, которые платили государственные налоги в качестве трибутарики³⁸. В этом же документе особо подчеркивается, что если ранее *comes rerum privatarum* имел дело, главным образом, с рабами (*famuli*), населявшими королевские имения, то теперь, при Теодорихе, он управляет и свободными, решая судебные дела относительно имущества свободнорожденных³⁹. Итак, помимо свободных крестьян-землевладельцев, термином трибутарики у Кассиодора обозначаются иногда и свободные арендаторы, не являющиеся собственниками земли.

Неопределенность и расплывчатость терминологии, свойственная многим памятникам конца V—начала VI в., в том числе и труду Кассиодора, мешает со всей полнотой выявить различные группы сельского населения Италии того времени, входившие в состав трибутарики.

Однако имеются основания думать, что среди трибутарики в остготском королевстве, так же как и в поздней Римской империи, наряду со свободными земледельцами были и зависимые от крупных землевладельцев люди, в том числе колонны⁴⁰. Вместе с тем, мы полагаем, что

³³ Cassiod. *Variae*, V, 39, § 12.

³⁴ Ibid., IV, 36, § 1.

³⁵ Ibid., V, 39, § 6.

³⁶ В данном случае речь идет о наместнике Испании. — Э. У.

³⁷ Cassiod. *Variae*, V, 39, § 6.

³⁸ Ibid., VI, 8, § 5: „... Habes quoque per provincias de perpetuario iure tributorum non minimam quantitatem. Canonicarios dirigis, possessores ammones, et cum aliis iudicibus non modica iura partiris...“

³⁹ Ibid., VI, 8, § 2. Ср. VI, 9, § 2—3 (о рустиках, живших на королевских землях).

⁴⁰ Рассмотрению положения трибутарики и инквизиции в поздней Римской империи посвящена статья А. Г. Гемпа — „Трибутарики и инквизиция в поздней Римской империи“ (ВДИ, 1954, № 4, стр. 75—83). Автор этой работы приходит к выводу о том, что трибутарики в поздней Римской империи представляли собой особую категорию зависимых людей, положение которых приближалось к положению рабов (А. Г. Гемп. Ук. соч., стр. 78—81).

в остготском государстве эта категория сельского населения пополнилась в довольно значительных размерах за счет мелких свободных земледельцев из числа „варваров“, плативших налоги государству. Из труда Кассиодора мы знаем, что в остготском королевстве все „варвары“, в том числе и остготы (наряду с римлянами), подлежали налоговому обложению⁴¹.

В связи с этим можно высказать предположение о некоторой эволюции, которая произошла в употреблении термина „трибутарий“ в остготском королевстве по сравнению с его применением в поздней Римской империи. В остготский период истории Италии, в связи с увеличением числа плательщиков государственных налогов из свободных земледельцев-„варваров“, термин „трибутарий“ все чаще и чаще стал применяться по отношению к свободным мелким собственникам. Однако подобное предположение не исключает того, что под названием „трибутарий“ в Италии VI в. в отдельных случаях могли еще попрежнему подразумеваться и зависимые от крупных землевладельцев люди. Не исключена возможность, что термин „трибутарий“, несший отпечаток некоторой приниженности, зависимости того, кто им обозначался, указывавший на низкое положение в обществе податного сословия, применялся преимущественно к той части мелких свободных земледельцев Италии, которая в силу экономических причин все более и более сближалась по своему положению с зависимым населением, хотя и сохраняла еще свои участки земли, за которые уплачивала налоги государству.

Рустики. В источниках остготского времени свободные мелкие земледельцы, иногда, — правда, довольно редко, — обозначаются также и термином *rustici*⁴². У Кассиодора этот термин имеет обобщающий характер, но в большинстве случаев применяется к зависимому сельскому населению и лишь изредка — к свободным мелким собственникам⁴³. Так, например, в одном из посланий короля Аталариха (от 527 г.) рустики области Бруттия рисуются как свободные сельские жители, обладающие некоторым состоянием, хотя и весьма умеренным⁴⁴. Это известие вполне совпадает с описанием положения рустиков в области Регнум, где, по словам Кассиодора, рустики имели свои сады, огороды, в которых трудились они сами вместе со своими семьями, а также и их работники (быть может, рабы)⁴⁵. По данным эдикта Теодориха, рустики обладали некоторыми средствами производства — рабочим скотом и рабами⁴⁶. В другом месте труда Кассиодора упоминается о том, что рустики Сцилатинской территории имели свои дома⁴⁷. Привлекает внимание сообщение Кассиодора о том, что рустики прибрежных областей Италии занимались, помимо сельского хозяйства, еще и таким промыслом, как выделка пурпура⁴⁸. Однако, по сведениям того же Кассиодора, хотя рустики иногда еще и принадлежали к категории свободных, но занимали столь низкое общественное положение, что за различные проступки подвергались позорным телесным наказаниям⁴⁹. В большинстве случаев они уже теряли

⁴¹ Cassiod. *Variae*, I, 19; IV, 14.

⁴² Ibid., VIII, 31—33; XII, 14, § 3. См. Э. В. Удальцова. Зависимое сельское население Италии VI в. ВДИ, 1955, № 3, стр. 108—114. О рустиках в поздней Римской империи см. Е. М. Штаерман. К вопросу о крестьянстве . . . , стр. 109 и сл.

⁴³ Э. В. Удальцова. Ук. соч., стр. 108—115.

⁴⁴ Cassiod. *Variae*, VIII, 31, § 5.

⁴⁵ Ibid., XII, 14, § 2—3.

⁴⁶ Et h., § 150.

⁴⁷ Cassiod. *Variae*, VIII, 32, § 5.

⁴⁸ Ibid., I, 2.

⁴⁹ Ibid., VIII, 33, § 1—2.

(частично или полностью) свою свободу и собственность, превращаясь или в арендаторов королевских имений⁵⁰, или в зависимых людей, составивших особую категорию колонов⁵¹. В источниках несколько более позднего времени, например в письмах римских пап VI в., особенно папы Григория I, рустики обычно выступают уже как зависимые от церкви люди⁵².

Таким образом, мы видим, что употребление термина *rusticus* также претерпевает в остготский период истории Италии известную эволюцию, которая свидетельствует об ухудшении положения части свободного сельского населения и переходе свободных земледельцев в зависимое состояние. Рустиками в остготском королевстве все чаще начинают называть именно ту часть свободных земледельцев, которая в еще большей степени, чем трибутарии, теряла свою свободу и свои земельные владения.

Анализ терминологии источников, относящейся к свободному сельскому населению, показывает значительную пестроту и текучесть состава различных групп свободных мелких землевладельцев Италии в конце V—VI вв. При этом мы можем проследить два весьма важных явления: с одной стороны, в связи с остготским завоеванием и пополнением рядов мелких собственников за счет свободных остготских воинов происходит некоторое расширение состава свободного сельского населения Италии (в частности, трибутариев). С другой стороны, в связи с общим процессом феодализации и ростом крупного землевладения одновременно происходит разорение части мелких собственников (как римских, так и остготских) и потеря ими их свободы и собственности. Примером этого может служить изменение положения рустиков.

О степени распространения свободного мелкого землевладения в Италии VI в. можно, кроме того, судить по некоторым косвенным данным, характеризующим политическую роль мелких собственников, в первую очередь, остготских воинов — в жизни общества. Подобные сведения содержат как законодательные, так и нарративные источники остготского времени.

Так, например, данные источников свидетельствуют о том, что остготское правительство короля Теодориха было принуждено принимать некоторые законодательные и административные меры против насильственных захватов знатью земель мелких собственников и против других беззаконий „могущественных“ лиц (*potentiores*). Скорее всего, это делалось под давлением рядовых остготских воинов, составлявших основное ядро остготской армии⁵³. Именно влиянием этой общественной прослойки остготского государства можно объяснить включение в эдикт Теодориха ряда важных постановлений, являющихся при этом в большинстве случаев нововведением самого остготского правительства, защищающих неприкосновенность личности свободного (но не обязательно знатного) человека и охраняющих его права в остготском обществе. Особый интерес в этом отношении представляет постановление эдикта Теодориха, запрещающее арест свободного человека (*ingenuus*) без приговора сведущего судьи⁵⁴.

⁵⁰ Cassiod. *Variae*, VI, 9.

⁵¹ *Ibid.*, II, 13, 29; IV, 44; VIII, 30; XI, 10.

⁵² Gregorii I papae *registrum epistolarum*. MGH. *Epistolarum* t. I. Berolini, 1891, I, 42; t. II, Berolini, 1893, IX, 203—206.

⁵³ О других причинах, вызывавших подобные меры со стороны остготского правительства, мы говорили в статье „Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в.“ ВВ, т. IX, М. — Л., 1956, стр. 89—93.

⁵⁴ *ETH*, § 8: „Sine competentis iudicis praeepto nullus ingenuorum sustineat detentionis iniuriam...“.

Эдикт предписывает, чтобы в случае обвинения свободного человека в совершении какого-либо преступления он был бы или приведен в суд, или содержался под охраной в частном доме⁵⁵. За нарушение этого предписания в качестве наказания эдикт устанавливает смертную казнь⁵⁶. Это свидетельствует о том, что остготское правительство придавало большое значение защите свободного человека от посягательств на неприкосновенность его личности. Этому посвящено и другое, не менее важное предписание эдикта Теодориха, запрещающее под страхом смертной казни посягательства на жизнь свободного человека. Данное постановление эдикта гласит следующее: „Если кто-либо прикажет или захочет убить без вины человека, не выслушав его и не имея на то власти (*sine potestate*) и без соответствующего приговора судьи, то пусть будет предан смертной казни как виновный в человекоубийстве“⁵⁷.

В тесной связи с этими предписаниями эдикта Теодориха, охраняющими неприкосновенность личности свободного человека в остготском государстве, находятся и другие постановления того же эдикта, направленные против ложных доносов⁵⁸, лжесвидетельств⁵⁹ и подкупа свидетелей⁶⁰. Для предотвращения ложных доносов на свободных людей обвинитель еще до начала следствия должен был выдать судье письменное обязательство в том, что в случае, если он не сможет доказать выдвинутого им обвинения, он готов подвергнуться тому же самому наказанию, какое по закону грозило обвиненному им человеку⁶¹. Более того, вплоть до вынесения судебного приговора и обвиняемый, и обвинитель равным образом подвергались предварительному заключению⁶². Предварительное заключение отменялось только в тех случаях, когда преступление было незначительным и обвиняемый мог быть взят на поруки, или когда он был столь знатен, что в силу своего общественного положения не мог быть подвергнут аресту до приговора судьи⁶³. В другой статье эдикта Теодориха за ложный донос, даже сделанный под предлогом общественной пользы, устанавливается в качестве наказания сожжение, т. е. самая суровая кара, какую только знало законодательство того времени⁶⁴.

Правда, в реальной действительности той эпохи виновные в совершении ложных доносов не всегда, повидимому, наказывались столь сурово, а иногда смертная казнь через сожжение заменялась менее тяжким наказанием: Кассиодор сообщает о таких случаях, когда ложные доносы наказывались денежным штрафом⁶⁵. Но, во всяком случае, суровость законодательства остготского правительства в отношении лиц, виновных в совершении ложных доносов, весьма показательна для стремления правительства пресечь возможные незаконные посягательства на имущество и личность свободных людей. Эдикт Теодориха, кроме того, запре-

⁵⁵ ETh, § 8: „... aut ad iudicium deducatur, vel in privata habeatur cuiuslibet praesumptione custodia“.

⁵⁶ Ibid., § 9: „Si quis autem aliquid eorum admiserit, ad violentiae poenam, quae capitalis est se non dubitet esse rapiendum“.

⁵⁷ Ibid., § 99.

⁵⁸ Ibid., §§ 13, 35, 50.

⁵⁹ Ibid., § 14, 42.

⁶⁰ Ibid., § 91.

⁶¹ Ibid., § 13.

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibidem. Ср. Cassiod. *Variae*, I, 37; II, 13; IV, 5; VIII, 31 (*fideiussor*). *Sponsio legitima* — Cassiod. *Variae*, III, 36; IV, 32; V, 34.

⁶⁴ ETh, § 35. Наказание введено самим законодателем. Ср. Cassiod. *Variae*, I, 9; IX, 15; F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 62.

⁶⁵ Cassiod. *Variae*, III, 36.

щает верить тайным доносчикам и предписывает, чтобы обвинитель открыто являлся в суд⁶⁶. В случае, если доносчик не сможет доказать справедливость своего обвинения, он подлежит смертной казни⁶⁷.

Обращает на себя особое внимание постановление эдикта Теодориха, запрещающее кому-либо выступать обвинителем под чужим именем и в корыстных интересах другого лица⁶⁸ обвинять кого-либо. Можно предположить, что это постановление эдикта Теодориха в конечном счете защищало интересы мелких и средних свободных землевладельцев от посягательств „могущественных“ лиц, которые легко могли выставить против них подставных обвинителей, действовавших по их указке. Ту же цель, видимо, преследовал и ряд других постановлений эдикта Теодориха, направленных против дачи ложных показаний свидетелями в пользу одной из тяжущихся сторон⁶⁹. За ложные и противоречивые показания наказанием устанавливалось изгнание⁷⁰.

Строго преследовался законодательством остготского государства также и подкуп свидетелей или судей: за совершение подобного преступления незнатные граждане присуждались к смертной казни, знатные — к конфискации всего их имущества⁷¹.

Защита личности свободного человека имеется в виду и в тех постановлениях эдикта Теодориха, которые были направлены против похищения свободных людей и обращения их в рабство⁷². Похищение свободных граждан и превращение их в рабов или колонов было весьма распространенным явлением в те смутные и тревожные времена, когда феодализирующаяся знать, расширяя свои земельные владения, постоянно нуждалась в рабочих руках для обработки этих имений. Значительное внимание, которое уделяет остготское законодательство пресечению подобных преступлений, является наглядным доказательством их распространенности в реальной действительности того времени. Видимо, похищение свободных граждан и превращение их в зависимых от знати людей приняло столь большие размеры, что стало серьезно задевать интересы фиска и центрального правительства, угрожая свободным мелким собственникам, составлявшим ядро плательщиков налогов и основной контингент остготской армии. У правительства остготского королевства должны были возникнуть серьезные опасения, что подобные насилия знати могут вызвать открытое недовольство со стороны свободного населения Италии, особенно рядовых остготских воинов, ибо нередко и они делались жертвами беззаконной „могущественных“ лиц. Отсюда вытекала необходимость в некотором ограничении насилий феодализирующейся знати, посягавшей на личность свободного человека, отсюда — и весьма суровые наказания, устанавливаемые законом за совершение подобных преступлений. Так, например, эдикт Теодориха предписывает: „Тот, кто похитит свободного человека (*ingenium plagiando*), то есть, переманив, переселит в другое место, или

⁶⁶ ETh, § 50.

⁶⁷ *Ibidem*.

⁶⁸ *Ibid.*, § 14.

⁶⁹ *Ibid.*, § 42.

⁷⁰ *Ibidem*.

⁷¹ *Ibid.*, § 91. Следует, однако, подчеркнуть, что в отношении знатных лиц (*honestiores*) наказание в эдикте смягчено по сравнению с предписаниями римского права. Так, в римском праве за ложные показания, данные вследствие подкупа, или за подкуп судьи, люди низкого происхождения также наказывались смертной казнью, тогда как знатные граждане, после конфискации всего имущества, отправлялись в ссылку на остров вместе с судьей. *Paulus. Sententia, lib. V, tit. 25, § 2*. В эдикте же Теодориха их наказание ограничивалось одной конфискацией имущества, без ссылки.

⁷² ETh, § 78, 79, 82, 83, 94, 95.

продаст, или подарит, или сделает своим рабом, пусть будет наказан смертной казнью⁷³. За намеренное удержание свободного человека в рабстве виновный подвергался тюремному заключению⁷⁴. Судья, подкупленный кем-либо и вследствие этого незаконно признавший свободного человека рабом, подлежал суровому наказанию в виде высокого денежного штрафа⁷⁵.

В особой статье эдикта Теодориха специально оговаривается, что если свободный человек был похищен, и это будет доказано, то его статус не потерпит никакого ущерба, и он остается свободным гражданином⁷⁶. Исключения составляют только такие случаи, когда будет установлено наличие сговора между свободным человеком и его продавцом относительно того, что свободный человек дает согласие на продажу себя в рабство при условии передачи ему продавцом части той суммы, которая будет выручена за его продажу⁷⁷. В таком случае свободный человек за намеренное сокрытие с корыстной целью своего свободного происхождения лишается свободы⁷⁸. „*Variae*“ Кассиодора, дополняя данные эдикта Теодориха, приводят многочисленные факты незаконного насильственного обращения в рабство свободных людей: автор указывает на многочисленные жалобы населения, поступавшие в королевскую курию⁷⁹. Это является лишним свидетельством распространенности подобных преступных действий со стороны знати в Италии в период правления остготских королей.

Ту же цель защиты личности свободного человека преследуют постановления эдикта Теодориха, гласящие, что дети, проданные в рабство своими родителями, не теряют статуса свободного человека⁸⁰. „Ибо, — мотивирует свое предписание законодатель, — свободный человек не может оцениваться никакой ценой“⁸¹. Родителям запрещается также отдавать своих детей кредиторам в качестве залога. Если кредитор, зная об этом, примет в качестве залога детей свободных родителей, то он наказывается изгнанием⁸². Родителям разрешается лишь временно сдавать „в наем“ по договору (*locatio — conductio*) труд своих сыновей, да и то только тех, которые находятся еще в их власти⁸³.

Все эти предписания эдикта Теодориха, направленные на защиту личности свободного человека, отражали, конечно, обычное для правовых норм такого общества, где еще сохранялось рабство и широкое распространение имели различные формы зависимости, противопоставление свободных людей зависимым, а также стремление оградить права свободных граждан и их привилегированное положение по сравнению с несвободными членами общества. Часть этих предписаний, естественно, была

⁷³ ETh, § 78. Cod. Theod., IX, 18, 1.

⁷⁴ Ibid., § 79. Cod. Just., VII, 16, 31; IX, 35, 9.

⁷⁵ Ibid., § 2. Paulus. Sententia, lib. V, tit. 23, § 10; lib. V, tit. 25, § 4. Cod. Just., I, 51, 3.

⁷⁶ ETh, § 82.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem. Cod. Just., VII, 16, 2; 18, 1.

⁷⁹ Cassiod. *Variae*, IV, 4, 9, 37, 41, 46; V, 29, 31, 39; VIII, 16, 20; IX, 2.

⁸⁰ ETh, § 94.

⁸¹ Ibidem: „... homo enim liber pretio nullo aestimatur“. Cp. Paulus. Sententia, lib. V, tit. I, § 1. Ф. Дан (F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 83) считал, что при составлении этого постановления эдикта, кроме предписаний римских юристов, было также использовано положение германского права о том, что отец может продавать своих детей.

⁸² ETh, § 95.

⁸³ Ibidem: „Operas enim tantum parentes filiorum, quos in potestate habuerint, locare possunt“. См. И. В. Шерешевский. Правовое регулирование „наемного труда“ в Риме. ВДИ, 1955, № 1, стр. 39—51.

почерпнута из законодательства римского государства. Вместе с тем, значительное внимание остготского законодательства к этому вопросу, ряд важных нововведений, внесенных в эдикт Теодориха (по сравнению с римским правом), особо строгое ограждение неприкосновенности личности свободного человека от посягательств знатных и влиятельных лиц, по всей вероятности, были вызваны стремлением остготского правительства укрепить авторитет центральной власти и увеличить ее влияние в стране, используя в той или иной степени поддержку средних и мелких земельных собственников, преимущественно из числа рядовых остготских воинов.

Остготское правительство короля Теодориха и его ближайших преемников, в целом отражавшее в своей политике интересы высшей остготской землевладельческой знати и защищавшее ее права и привилегии⁸⁴, порою, в силу сложившихся в стране условий, принуждено было несколько ограничивать непомерно растущие притязания этой знати. К этому его толкала необходимость пресечь самовольство, а иногда и открытые выступления феодализирующей знати, стремившейся к полной самостоятельности и неограниченной власти на местах⁸⁵. В этой борьбе против отдельных непокорных представителей знати правительство Теодориха принуждено было использовать поддержку рядовых остготских воинов, страдавших от самоуправства, смут и междоусобиц феодализирующей знати. В то же время остготское правительство принуждено было считаться и с требованиями своих временных союзников — старой римской рабовладельческой аристократии, римского сената и высшего католического духовенства, интересы которых все больше и больше ущемлялись самовольными захватами земель и другими беззакониями, чинимыми феодализирующей знатью⁸⁶.

Вместе с тем, уже сам тот факт, что остготское правительство в известной степени должно было считаться с интересами средних и мелких свободных землевладельцев, и даже идти им на некоторые уступки для привлечения их на свою сторону и использования их поддержки, показывает, что среднее и мелкое землевладение имело известный удельный вес в социально-экономической жизни Италии того времени, а свободные собственники играли некоторую роль в политической жизни остготского общества. Однако относить к этому делу отдельные представители буржуазной историографии, усматривать в мероприятиях остготского правительства по частичному ограничению насилий знати результат стремления короля Теодориха оградить интересы широких народных масс. Так, например, Эрнест Штейн полагает, что постановления эдикта Теодориха, направленные против правонарушений со стороны „привилегированного класса остготов“ (против применения силы для захвата имущества, патроната, похищения людей и т. п.), имели своей целью установление и обеспечение внутреннего мира в остготском государстве и защиту интересов народных масс. „Эффективная защита угнетенных“ оказала, по мнению Э. Штейна, благотворное влияние на экономическую жизнь Италии в правление короля Теодориха⁸⁷. Подобная политика ограничения знати и покровительства народу, по утверждению Э. Штейна, сделала

⁸⁴ Э. В. Удадьцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. ВВ, т. IX, М., 1956, стр. 85—93.

⁸⁵ Там же, стр. 92—93.

⁸⁶ Там же, стр. 92—98.

⁸⁷ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949, p. 133. Мнение Э. Штейна во многом совпадает со взглядами Л. М. Хартманна (L. M. Hartmann. Geschichte Italiens im Mittelalter, Bd. I, S. 119, 124 etc).

Теодориха кумиром римского плебса и обеспечила процветание страны⁸⁸. Другой исследователь, Ст. Мосс, также считает, что хотя в эдикте Теодориха и сохраняется привилегированное положение крупного землевладения, но все же там ограждаются и интересы угнетенных классов⁸⁹.

Анализ эдикта Теодориха и других источников опровергает это ошибочное мнение и показывает, что ограничение самовольных захватов земель и другого имущества „могущественными лицами“ имеет целью отнюдь не защиту интересов широких народных масс, а прежде всего отражает столкновения внутри господствующего класса остготского общества⁹⁰. Стоявшая у кормила правления остготского королевства часть высшей остготской знати не могла мириться с опасными для нее выступлениями и насилиями знати на местах и принуждена была ограничивать ее произвол, опираясь на поддержку рядовых остготских воинов. Когда же в остготском законодательстве речь идет о „низших“ слоях населения, об угнетенных народных массах, о различных категориях зависимых людей, рабах, колонах и т. п., то правительство всецело становится на защиту прав патрона и господина по отношению к зависимому населению⁹¹. Более того, законодательство остготского королевства самыми энергичными мерами охраняло многие важные привилегии крупных землевладельцев и знати по отношению также и к лично свободным, но малосостоятельным лицам, занимавшим низкое общественное положение⁹². К освещению этого вопроса мы сейчас и переходим.

* * *

Классовая направленность законодательства Теодориха получила свое яркое выражение в его установлениях, охраняющих привилегированное положение в остготском государстве знатных и богатых лиц — в отличие от свободных, но бедных граждан. В законодательстве остготского правительствa, так же как и в римском праве, проводится резкая грань не только между свободными и несвободными людьми, но также и между знатными и богатыми, с одной стороны, и свободными бедняками — с другой. Примеры подобного сословного и имущественного разграничения членов общества в остготском законодательстве весьма многочисленны. Так, в эдикте Теодориха защита привилегированного общественного положения знати проявляется прежде всего в различии наказаний за одни и те же преступления для лиц знатных (*honestiores*) и незнатных (*humiliores*)⁹³. В частности, за сокрытие или продажу в рабство свободного человека для знатных лиц устанавливалось наказание в виде конфискации $\frac{1}{3}$ имущества и ссылки на 5 лет, для людей же низкого происхождения (*humiliores*) вводилась значительно более суровая кара: после наказания палками они отправлялись в вечное изгнание⁹⁴. За применение оружия с целью

⁸⁸ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 133, 156 etc.

⁸⁹ H. St. Moss. La naissance du moyen âge. Romains et barbares. Paris, 1937, p. 94.

⁹⁰ Э. В. Удальцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии, стр. 92—93.

⁹¹ Э. В. Удальцова. Сельское зависимое население в Италии VI в. ВДИ, № 3, 1955, стр. 86 и сл. Ср. А. Р. Корсунский. Рабы и вольноотпущенники в вестготском государстве в VI—VII веках. СВ, вып. IV, М., 1953, стр. 11—30.

⁹² Cassiod. Variarum, I, 19; IV, 14, 39; V, 12; IX, 18.

⁹³ А. Р. Корсунский. *Honestiores* и *humiliores* в Римской империи. ВДИ, 1950, № 1, стр. 81—90.

⁹⁴ ETh, § 83: „Qui ingenuum celaverint, vendiderint, vel scientes comparaverint, humiliores fustibus caesi in perpetuum dirigantur exilium; honestiores, confiscata tertia parte bonorum suorum, poenam patientur nihilominus quinquennalis exilii.“

запугивания кого-либо и за незаконное присвоение власти знатные лица наказывались изгнанием, а незнатные — после унижительного наказания палками отправлялись в вечную ссылку⁹⁵. За подкуп свидетелей или судей знатные лица приговаривались к конфискации имущества, люди же низкого происхождения — к смертной казни⁹⁶. При этом необходимо подчеркнуть, что для „могущественных“ лиц наказание было даже смягчено по сравнению с тем, которое устанавливалось за такое же преступление римским правом: согласно предписанию эдикта Теодориха, они наказывались лишь конфискацией имущества, без ссылки, предусмотренной римским законодательством⁹⁷. Тот, кто мешал хоронить умершего должника, если он был знатный человек, наказывался конфискацией $\frac{1}{3}$ имущества и изгнанием на 5 лет, если же он был человеком низкого происхождения, то его ожидало опять-таки наказание палками и вечная ссылка⁹⁸. За „чародейство“ знатные люди приговаривались к вечному изгнанию и конфискации имущества, люди же низкого происхождения — к смертной казни⁹⁹. Овдовевшая женщина знатного происхождения (*matrona vidua*) могла вступать в незаконную связь с кем-либо, бедная же и незнатная женщина предавалась за это смертной казни как виновная в совершении прелюбодеяния¹⁰⁰. Привлекает особое внимание то обстоятельство, что, в отличие от римского права, законодательство остготов устанавливает и резко подчеркивает не только различие между знатными и незнатными, но и между имущими и неимущими¹⁰¹. В ряде статей эдикта Теодориха различие между знатными и незнатными отступает на второй план и заменяется противопоставлением богатых и бедных, при этом внимание акцентируется не на происхождении данного лица, а на его имущественном положении. Особенно ярко эта тенденция проявляется в статье эдикта Теодориха, касающейся поджога чужого имущества.

За поджог чужого имущества свободный и в то же время состоятельный человек наказывался лишь возмещением ущерба, причиненного пожаром потерпевшему, бедняк же после наказания палками отправлялся в пожизненную ссылку¹⁰².

За изнасилование свободной девушки знатный человек, если он холост, обязан был жениться на ней и выделить ей $\frac{1}{3}$ своего имущества, если же он был женат, то должен был компенсировать ее передачей $\frac{1}{3}$ своего имущества. В случае же, если насильник не имел никакого имущества и был незнатного рода, он наказывался смертной казнью¹⁰³. За изнасилование чужой рабыни-девушки или оригинарии свободный и состоятельный человек наказывался передачей двух рабов в пользу господина девушки, бедняк же, жестоко битый палками, делался коллегиатом соседней городской общины¹⁰⁴.

За похороны мертвых в черте города Рима богатый человек должен был заплатить в пользу фиска штраф, равный $\frac{1}{4}$ его имущества, бедняк же, побитый палками, изгонялся из города¹⁰⁵.

⁹⁵ ETh, § 89.

⁹⁶ Ibid., § 91.

⁹⁷ Paulus, Sententia, lib. V., tit. 25, § 2.

⁹⁸ ETh, § 75.

⁹⁹ Ibid., § 108.

¹⁰⁰ Ibid., § 62.

¹⁰¹ Ibid., §§ 59, 64, 97, 111.

¹⁰² Ibid., § 97.

¹⁰³ Ibid., § 59.

¹⁰⁴ Ibid., § 64.

¹⁰⁵ Ibid., § 111. В римском праве за подобный проступок устанавливалось иное наказание — в виде конфискации $\frac{1}{3}$ имущества. Cod. Theod. IX, 17, 6.

Резкое разграничение знатных и незнатных, имущих и неимущих проводится также и в „Вариях“ Кассиодора, где всегда особо оговаривается имущественное положение и происхождение того или другого лица и часто упоминаются знатные и „могущественные“ лица, которые противопоставляются незнатным беднякам¹⁰⁶.

Таким образом, остготское законодательство не только заимствовало из римского права противоставление знатных и незнатных членов общества и защиту прав и привилегий первых, но дополнило и развило его проведением резкой грани между имущими и неимущими, для которых вводились гораздо более суровые и унижительные наказания. В то время как богатые граждане за совершение того или иного проступка обычно наказывались лишь денежным штрафом, для неимущих лиц низкого происхождения наиболее распространенной карой за те же проступки являлось позорное наказание палками, от которого совершенно были освобождены знатные и богатые граждане. Если богатый и знатный гражданин платил за свои преступления лишь золотом, то бедняк расплачивался своими страданиями и позором.

Подобное деление общества в равной степени проводилось как по отношению к лицам готского, так и римского происхождения: в эдикте Теодориха и в других законодательных постановлениях остготских королей, содержащих указания на имущественные разграничения, нигде особо не оговаривается различие между готами и римлянами.

Разделение общества на знатных и незнатных фигурировало, конечно, и в римском праве: остготское законодательство дополнило его резким противопоставлением имущих и неимущих именно потому, что подобное разделение соответствовало реально сложившимся социальным отношениям в остготском обществе того времени. Противоставление в законодательстве остготского государства имущих и неимущих является красноречивым свидетельством дальнейшего развития имущественной и социальной дифференциации внутри феодализирующегося остготского общества и роста влияния землевладельческой знати в Италии VI в. Смягчение наказания за одинаковые проступки для знатных и богатых граждан по сравнению с наказаниями для бедняков низкого происхождения не только говорит о социальной направленности остготского законодательства, но проливает также некоторый свет и на то, сколь тяжким и бесправным было положение свободных бедняков в Италии того времени.

Согласно многочисленным свидетельствам источников VI в., свободное трудовое население Италии сильно страдало от налогового бремени и различных злоупотреблений государственных чиновников. После завоевания Италии остготское правительство, сохранив римскую администрацию, оставило в силе и римскую налоговую систему, используя в своих интересах сложную и налаженную фискальную машину римского государства¹⁰⁷. В остготском королевстве удерживались старые римские налоги: поземельный налог, торговые сборы с купцов (*aurum negotiatorum*), пошлины со всех продаваемых товаров (*saliquaticum*) и различные другие повинности и поборы в пользу государства¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Cassiod. *Variae*, II, 24, 25; IV, 39, 40; III, 5, 20, 36; VIII, 31; IX, 18.

¹⁰⁷ *Ibid.*, IV, 14, 38; II, 24; V, 14; XII, 8, 10, 14.

¹⁰⁸ См. П. Виноградов. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии, стр. 98. В научной литературе вызывает разногласия вопрос о характере упоминаемого Кассиодором налога с земли (*bina et terna* — Cassiod. *Variae*, III, 8; VII, 20, 21, 22). Большинство исследователей считают его надбавкой к поземельному налогу (Виноградов. Ук. соч., стр. 98). Виноградов высказывает интересную мысль о том, что в этот период начинается „разложение“ поземельного налога, ибо отмена прикрепления колонов к земле затрудняла его взимание, и частая переоценка

По данным Кассиодора, в остготском государстве сохранялись римские сборщики податей (*exactores* и *susceptores*), применявшие свои старые методы ограбления населения¹⁰⁹. В правление остготов уцелела старая система оценки имущества налогоплательщиков при установлении суммы налогов. Попрежнему чиновники фиска (*censitores* и *peraequatores*) производили оценку имущества и составление ценза¹¹⁰.

О тяжести налогового бремени и суровости фискальных требований остготского правительства по отношению к трудовому населению Италии свидетельствует то, что правительство строго предписывало лишать участка земли и дома (*casa*) тех земледельцев, которые не могли уплатить государственных податей¹¹¹.

Весьма важно свидетельство источников о том, что остготы были обложены налогами наряду с римлянами, хотя они и сопротивлялись этому¹¹². Кассиодор, например, рассказывает, что представители остготской знати всячески уклонялись от уплаты налогов и стремились переложить их на мелких землевладельцев¹¹³.

В остготском королевстве не исчезла и старая язва римского общества — злоупотребления и различные вымогательства со стороны чиновников фиска и судей. Размах взяточничества и казнокрадства был столь значителен, что правительство Теодориха принуждено было принять меры против злоупотреблений чиновников.

Сама суровость законодательных мер, принимавшихся правительством Теодориха против вымогательств, взяточничества и казнокрадства чиновников, уже свидетельствует о распространенности коррупции среди представителей государственной администрации в Италии в правление первых остготских королей. Характерно, что эдикт Теодориха наказывает взяточничество более сурово, чем это делает римское право. За принятие судьей взятки, вынесение в результате подкупа неправильного решения и осуждение невинного человека эдикт Теодориха карает смертной казнью¹¹⁴, в то время как в римском праве виновные в подобном преступлении наказывались ссылкой и конфискацией имущества¹¹⁵.

Без сомнения, налоговый гнет и злоупотребления чиновников фиска особенно тяжело отзывались на положении провинциального населения Италии. В этом отношении весьма показательным является предписание эдикта Теодориха, запрещающее судьям¹¹⁶ и их канцеляриям (*officium*)¹¹⁷

имущества налогоплательщиков открывала возможность для уклонения от его уплаты и для различных злоупотреблений (П. Виноградов. Ук. соч., стр. 98—99). Некоторые исследователи высказывают предположение о том, что в Италии уже в правление Одоакра аннона уплачивалась преимущественно деньгами (H. Geiss. Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen im staatlichen Aufbau Italiens während der Gothenzeit. Stuttgart, 1931, S. 7—10, 46). В остготском королевстве, по-видимому, этот порядок сохранялся, — во всяком случае, остготское правительство получало в деньгах ту „третнюю подать“, равную $\frac{1}{3}$ доходов с собственности, окончательно не разделенной между римлянами и готами, о которой сообщает Кассиодор (Cassiod. *Variae*, II, 17). Э. Штейн (E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, p. 199) высказывает предположение о том, что в Восточной Римской империи уплата налогов в деньгах была распространена в меньшей степени, чем в Италии.

¹⁰⁹ Cassiod. *Variae*, II, 24; XII, 8, 14.

¹¹⁰ Ibid., V, 14; XII, 10.

¹¹¹ Ibid., IV, 14.

¹¹² Ibid., I, 19; IV, 14.

¹¹³ Ibidem.

¹¹⁴ *ETh*, § 1: „Priore itaque loco statuimus, ut si iudex acceperit pecuniam, quatinus adversum caput innocens contra leges et iuris publici cauta iudicaret, capite puniatur“.

¹¹⁵ Paulus. *Sententia*, lib. V, tit. 23, § 10: „... iudex qui in caput fortunasque hominis pecuniam accepit, in insulam bonis ademptis deportetur“. *Cod. Just.*, I, 51, 3.

¹¹⁶ *ETh*, § 3.

¹¹⁷ Ibid., § 4.

грабить население провинций. За ограбление провинциалов судья не только лишался своей должности, но должен был еще и уплатить пострадавшим от его вымогательств лицам незаконно полученную с них сумму в четырехкратном размере. В случае смерти виновного материальную ответственность за преступление несли его наследники¹¹⁸. Весьма знаменательным является одно важное нововведение, внесенное в законодательство остготским правительством: эдикт Теодориха возлагал ответственность за ограбление провинциалов не только на одного судью (как это было в римском праве), но и на его *officium*¹¹⁹. При этом чиновники канцелярии, как лица более низкого общественного положения, чем сам судья, должны были уплатить установленный штраф под страхом унижительного наказания палками¹²⁰. Это нововведение Теодориха наглядно показывает, насколько широко проникла коррупция в административный аппарат остготского государства.

Помимо этого, в законодательстве остготских королей имеются указания на злоупотребления судей при приеме апелляций, поданных населением на их незаконные решения¹²¹. По данным эдикта Теодориха, в провинциях Италии судьи не только отказывались принимать от населения законные апелляции, но даже сажали в тюрьму и подвергали побоям тех, кто осмеливался подавать жалобы¹²². По предписанию эдикта, за подобный проступок судья наказывался уплатой штрафа в пользу фиска в размере 10 либр золота¹²³. Это наказание распространялось, согласно нововведению Теодориха, и на *officium* судьи¹²⁴.

О том, что подобные злоупотребления со стороны судей и их канцелярий продолжались и после издания эдикта Теодориха и были, по-видимому, распространенным явлением, свидетельствуют также данные труда Кассиодора¹²⁵.

В одном из посланий Кассиодора в риторической форме высказывается требование покорности населения по отношению к судьям и умеренности и справедливости со стороны судей. Обращаясь к посессорам и куриалам Неаполитанской городской общины, Кассиодор пишет: „Следует, чтобы вы разумно слушались (правителей. — Э. У.), ибо похвально и то и другое: и чтобы хороший народ имел бы достойного судью, и мягкий судья с равным основанием мог бы управлять почтенным народом“¹²⁶.

С целью пресечения различных злоупотреблений судебных чиновников остготское правительство издает особое предписание, согласно которому решения судей обязаны выполнять исключительно судебные чиновники именно того суда, где был вынесен приговор по данному делу¹²⁷.

В правление остготов не прекращались различные вымогательства и насилия со стороны чиновников фиска. В королевскую курию постоянно поступали жалобы со стороны жителей провинций на нестерпимые вы-

¹¹⁸ ETh, § 3.

¹¹⁹ Ibid., § 4: „*Officium cuiuslibet iudicii, quod quid ultra quam iussum est, exegerit, in quadruplum sub fustuarium poena cogatur exsolvere iis, quibus inlicito monstrantur ablata*“. Ср. F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 47.

¹²⁰ ETh, § 4.

¹²¹ Ibid., § 55.

¹²² Ibidem. Ср. Cod. Theod., XI, 30.

¹²³ ETh, § 55.

¹²⁴ Ibidem: „... *officium quoque, cuius interest, multae legitimae subiacebit*“.

¹²⁵ Cassiod. *Variae*, IV, 37; VII, 3; IX, 14; XII, 21.

¹²⁶ Ibid., VI, 24, § 2.

¹²⁷ ETh, § 73.

могательства и грабежи налоговых сборщиков¹²⁸. Особое внимание привлекают свидетельства Кассиодора о злоупотреблениях чиновников фиска (*sensitores* и *peraequatores*) при составлении ценза. Подкупленные крупными землевладельцами, эти чиновники неверно оценивали имущество налогоплательщиков, перекладывая бремя налогов с земель „могущественных“ лиц на владения мелких собственников¹²⁹.

Эти злоупотребления были столь вопиющими, что остготское правительство было принуждено поручать иногда оценку имущества налогоплательщиков высшим государственным чиновникам и строго контролировать их¹³⁰. С целью пресечения грабежей налоговых сборщиков эдикт Теодориха настоятельно требует, чтобы сборщики податей (*suscptores*) обязательно выдавали налогоплательщикам расписки с точным указанием суммы взысканного с них налога¹³¹. Подобные расписки должны были выдаваться на имя собственника тех владений, которые подлежали обложению государственными податями. В случае утайки собранных средств сборщики податей обязаны были в четырехкратном размере уплатить собственнику земли ту сумму, которая, как он докажет на суде, была незаконно с него взыскана¹³². Эту же цель пресечения злоупотреблений со стороны чиновников фиска (*exactores et susceptores*) преследовало и другое предписание эдикта Теодориха, заимствованное из римского права: запрещение различных махинаций сборщиков податей, грабивших население посредством применения при сборе налогов неверных мер и весов¹³³.

Значительное распространение коррупции среди чиновников фиска и трудности борьбы с ней со всей очевидностью вырисовываются из многочисленных упоминаний Кассиодора о различных злоупотреблениях государственных чиновников, имевших место как в правление самого короля Теодориха, так и его преемников¹³⁴. Кассиодор сообщает о многочисленных жалобах населения провинций Испании, подвластных в то время королю Теодориху, на нестерпимые притеснения и бесчинства чиновников фиска¹³⁵. Среди преступлений сборщиков податей по отношению к населению указываются: подделка мер и весов при взимании налогов¹³⁶, незаконное увеличение налогов с арендаторов королевских имений¹³⁷, обман при взимании пошлин с заморских купцов, что угрожает упадком торговли¹³⁸, и другие злоупотребления.

Борясь против вымогательства налоговых сборщиков, законодатель особо оговаривает, чтобы с арендаторов королевских имений (*conductores domus regiae*) взимались лишь те подати, которые были установлены ранее, причем размер податей должен быть сообразован с качеством арендуемого участка¹³⁹. Для пресечения злоупотреблений при

¹²⁸ Cassiod. *Variae*, II, 24; XII, 8, 14; F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. III, S. 176—177.

¹²⁹ *Ibid.*, V, 14; XII, 10.

¹³⁰ *Ibidem*.

¹³¹ *ETH*, § 144. Ср. Cassiod. *Variae*, IV, 38; IX, 10; XII, 2, 14.

¹³² *ETH*, § 144. *Cod. Theod.*, XII, 6, 18; XIII, 11, 8. *Valentiniani Nov.*, III, tit. I, cap. 3; Cassiod. *Variae*, IV, 38; IX, 10; XII, 2.

¹³³ *ETH*, § 149. За подобные преступления устанавливалось наказание в размере четырехкратного возмещения убытка. Ср. *Cod. Theod.*, XI, 8, 1, 3; XII, 6, 19, 21; XIII, 11, 8. *Nov. Maioriani de curialibus*, § 15; Cassiod. *Variae*, XI, 16; XII, 16, § 3.

¹³⁴ *Ibid.*, II, 24; III, 8; V, 39; XI, 8, 15, 16; XII, 2, 8, 11, 16.

¹³⁵ *Ibid.*, V, 39.

¹³⁶ *Ibid.*, V, 39, § 5.

¹³⁷ *Ibid.*, § 6.

¹³⁸ *Ibid.*, § 7, 9.

¹³⁹ *Ibid.*, § 6.

чеканке монет правительство предписывало вновь возвращать к выполнению государственных обязанностей всех монетных дел мастеров, перешедших на положение частных лиц¹⁴⁰. Особенно настойчивые жалобы населения испанских провинций вызывали злоупотребления государственных чиновников, связанные с получением различных пребенд, шедших на их содержание. Наибольшее негодование вызывали такие недостойные махинации, когда пребенды фактически взимались в двойном размере, ибо чиновники требовали вносить их сперва натурой (*in species*), а затем и в деньгах¹⁴¹.

Правительство, осуждая подобные проявления „отвратительной жадности“, требует от чиновников взимания пребенд лишь в установленном размере и только или натурой, или деньгами: „они не должны двойной выплатой отягощать чужое имущество“¹⁴². Кроме того, население жаловалось и на злоупотребления, связанные с требованиями выполнения повинности по перевозке государственных чиновников. Некоторые чиновники, имевшие в своем распоряжении предоставленных государством лошадей, сверх того требовали от населения лошадей для своих экстренных поездок¹⁴³. Незаконные действия такого рода являлись тяжким бременем для населения, и правительство принуждено было их запретить¹⁴⁴.

Из жалоб населения видно, что произвол сборщиков податей в провинциях Испании привел к значительному повышению налогового бремени по сравнению с предшествующим временем, и поэтому обеспокоенное недовольством жителей правительство Теодориха предписывало, чтобы размер налогов был там уменьшен до того уровня, которого он достигал во время правления Алариха и Эврика¹⁴⁵. Кассиодор с возмущением хотя и вынуждено признает, что незаконные поборы сборщиков являются настоящим грабежом населения. „Ведь это явный грабеж, — пишет он, — давать по желанию того, кто для своей выгоды торопится взыскать больше“¹⁴⁶.

Призывая правителей Испании пресечь грабежи и вымогательства налоговых сборщиков, Кассиодор объясняет цели подобных предписаний правительства: „Ведь разумный земледелец очищает свое поле от терний, так как хвала для возделывающего, если его поле приносит ему удовольствие сладчайшими плодами. Так приятнейший покой народа и порядок в провинциях являются лучшим прославлением правящих“¹⁴⁷.

О масштабах распространения коррупции среди судебных чиновников и налоговых сборщиков можно судить по одному из посланий короля Аталариха от 526/27 гг., обращенному ко всем остготам и римлянам, где зло, причиняемое населению судебными исками об уплате налогов, сравнивается с тяготами войны: „... так как не менее важным является избежать зла войны, чем избавиться от бедствия разбирательства налоговых дел“¹⁴⁸.

В другом послании Кассиодор, бичуя пороки провинциальных судей, пишет: „Преступление равняет всех, кого оно запятнывает, и поэтому

¹⁴⁰ Cassiod. *Variae*, V, 39, § 8.

¹⁴¹ *Ibid.*, § 12.

¹⁴² *Ibidem.*

¹⁴³ *Ibid.*, § 14.

¹⁴⁴ *Ibidem.*

¹⁴⁵ *Ibid.*, § 13.

¹⁴⁶ *Ibid.*, § 2.

¹⁴⁷ *Ibid.*, § 1.

¹⁴⁸ *Ibid.*, IX, 9, § 1.

должен быть непохож на обвиняемого тот, который судит¹⁴⁹. Призывая судей быть честными, он особо подчеркивает, что судьи „...делают ясными [для всех] свои пороки, если они, на которых смотрят многие, загрязняют себя каким-либо преступлением“¹⁵⁰. „Вообще лучше не быть на виду, чем быть отмеченным общей насмешкой“, — такой сентенцией заключает свою мысль автор. При этом он добавляет: „Никакой славы не получает тот, кто называется богатым, напротив, всяческой хвалой украшается тот, кто прославляется справедливым“¹⁵¹.

В своем послании к посессорам и куриалам Неаполитанской городской общины остготское правительство стремится выставить себя защитником их интересов от притеснений государственных чиновников¹⁵². Признавая, что жители Неаполитанской общины послушно заплатили налоги в пользу государства, правительство указывает на то, что оно воздает им за это назначением на различные должности, и это должно охранить их от незаконных действий со стороны чиновников фиска¹⁵³. Составитель этого послания, Кассиодор риторически замечает, что спокойствие жителей будет радостью правительства, ибо приятен тот доход, который получен без затруднений (вызванных недовольством граждан).

Законодательные и административные меры, принимавшиеся правительством Теодориха против вымогательств и продажности чиновников фиска, отнюдь не указывают на то, что подобные злоупотребления были пресечены; эти меры служат скорее свидетельством наличия и распространности вымогательств. Эффективность этих, порою суровых предписаний была, по-видимому, незначительна: о подобных же злоупотреблениях администрации вновь и вновь, как мы видели, упоминает Кассиодор в более поздних, чем эдикт Теодориха, рескриптах остготского правительства.

Поэтому мы не можем согласиться с точкой зрения некоторых буржуазных ученых, в частности, Э. Штейна¹⁵⁴ и Л. М. Хартманна¹⁵⁵, которые без достаточных оснований утверждали, что при Теодорихе налоговое бремя для населения Италии якобы было облегчено, налоги поступали регулярно, а хорошо организованная борьба с злоупотреблениями чиновников фиска будто бы обеспечила всеобщее процветание. Анализ источников, как мы видели, не подтверждает подобного мнения.

Одним из основных мотивов, побуждавшим остготское правительство пресекать злоупотребления государственных чиновников, являлось отнюдь не гуманное стремление оградить интересы беднейшего населения Италии, как предполагают некоторые буржуазные исследователи¹⁵⁶, а прежде всего — желание укрепить на местах авторитет центральной власти и подчинить местную администрацию ее контролю. Эти намерения отчетливо проступают во многих местах труда Кассиодора¹⁵⁷. Хищения местной администрации наносили ущерб интересам фиска, нарушали нормальный порядок государственного управления и судопроизводства и, что особенно важно, вызывали серьезное недовольство населения,

¹⁴⁹ Cassiod. *Variae*, XII, 2, § 4.

¹⁵⁰ *Ibidem*.

¹⁵¹ *Ibid.*, § 3.

¹⁵² *Ibid.*, VI, 24.

¹⁵³ *Ibid.*, VI, 24, § 1.

¹⁵⁴ E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, p. 133 etc.

¹⁵⁵ L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens*. Bd. I, S. 119, 129.

¹⁵⁶ E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, p. 132—133.

¹⁵⁷ Cassiod. *Variae*, II, 24; III, 8; V, 39; XI, 16; XII, 2, 8, 11, 14, 16 etc.

перераставшее порою в открытые выступления народных масс¹⁵⁸. Растущее недовольство населения засвидетельствовано многочисленными жалобами на нарушение законов, поступавшими из провинций Италии, что принуждено было признать само остготское правительство. В эдикте Теодориха законодатель прямо ссылается на подобные жалобы: „До нас дошли, — пишет он, — многочисленные жалобы на то, что некоторые лица в провинциях попирают предписания законов“¹⁵⁹. Население Италии (что делается очевидным из содержания эдикта) жаловалось как на притеснения и насилия знати, так и на злоупотребления государственной администрации. Кассиодор в своих посланиях также открыто признает, что незаконные поборы вызывали решительный отпор населения и опасения народных восстаний у правительства. По словам Кассиодора, „для правительства весьма опасна прибыль, полученная с враждебно настроенных [людей]“¹⁶⁰.

И действительно, всякие попытки королевской власти увеличить налоги вызывали самое решительное сопротивление населения. Как только правительство объявляло о повышении ранее установленных налогов, тотчас возникали народные волнения¹⁶¹. Остготское правительство в таких случаях принуждено было идти на уступки народным массам и вновь понижать сумму подати¹⁶².

Кассиодор вполне ясно указывает на причины подобной политики правительства. Он усматривает их в том, что народные волнения, вызванные повышением налогов, были для правительства опаснее потери доходов¹⁶³. Правительство все больше и больше должно было считаться с недовольством населения и идти на новые уступки: оно понижало налоги особенно в связи со стихийными бедствиями и нашествием внешних врагов¹⁶⁴.

В послании короля Теодориха префекту претория Фаусту от 1 сентября 509 г. рассказывается о том, как остготское правительство было принуждено освободить от уплаты поземельного налога на 510 г. налогоплательщиков области Коттийских Альп, поскольку их поля были опустошены проходившими там королевскими войсками и все посевы уничтожены¹⁶⁵. Как река в своем бурном разливе затопляет прибрежные долины, так и войска готов во время своего похода опустошили возделанные поля жителей этой области, — пишет по этому поводу ученый советник короля Кассиодор¹⁶⁶. Поэтому, поясняет он далее, правительство должно было подать спасительную руку помощи пострадавшим, „чтобы недовольные не сказали бы, что они одни погибли во имя защиты всех других: пусть лучше предадутся радости те, которые предоставили дорогу защитникам Италии. Не должны в печали уплачивать налоги те, благодаря которым я счастливо приобрел налогоплательщиков“¹⁶⁷. Этот текст из послания короля Теодориха привлекает внимание прежде всего содержащимся в нем прямым указанием на то, что остготское прави-

¹⁵⁸ Э. В. Удальцова. Классовая борьба в Италии накануне византийского завоевания. ВВ, т. X, М., 1956, стр. 9—27.

¹⁵⁹ ETh, Praefatio: „Querelae ad nos plurimae pervenerunt, intra provincias nonnullos legum praecepta calcare“.

¹⁶⁰ Cassiod. Variarum, I, 26.

¹⁶¹ Ibid., IV, 38.

¹⁶² Ibidem.

¹⁶³ Ibidem.

¹⁶⁴ Ibid., III, 32; XII, 7.

¹⁶⁵ Ibid., IV, 36, § 1.

¹⁶⁶ Ibid., IV, 36, § 2.

¹⁶⁷ Ibid., § 3.

тельство было принуждено даровать населению Коттийских Альп отсрочку по уплате налогов вследствие недовольства жителей, пострадавших по вине королевских войск. Вместе с тем, как видно из приведенного отрывка, остготское правительство надеялось компенсировать свои потери за счет получения налогов с новых налогоплательщиков во вновь завоеванных областях. В том же послании короля Теодориха приводятся и другие, чисто практические соображения, заставившие остготское правительство предоставить некоторые льготы налогоплательщикам. Важнейшей побудительной причиной дарования подобных „милостей“ было опасение правительства, что непомерные тяготы и притеснения совершенно разорят жителей и они уже больше не смогут платить налоги. На этом основании правительство Теодориха приходит к благоразумному выводу: „Ведь лучше пренебречь теперешним ущербом, чем из-за незначительной прибыли потерять навсегда доходы“¹⁶⁸.

Эта же мысль проводится и в других посланиях остготского правительства. Так, например, в письме, обращенном к населению Далмации по поводу отрешения от должности правителя этой провинции, притеснявшего жителей непомерными налогами, следующим образом объясняются причины, заставившие правительство внять жалобам населения и заметить притеснителя более „справедливым“ наместником Осуаном. „Разумеется, — говорится в послании, — долг [всякого] правителя — любить то, что является благом для многих, ибо государство крепнет, если налогоплательщики не будут разорены“¹⁶⁹.

В труде Кассиодора упоминаются и другие случаи, когда остготское правительство, опасаясь полного разорения налогоплательщиков, принуждено было приходить им на помощь. Так, во время правления короля Теодата (в 535—536 гг.) остготское правительство должно было, во избежание гибели населения, продавать из государственных запасов хлеб голодающим жителям Лигурии и области венетов¹⁷⁰. Рассказывая о бедствиях населения этих провинций, Кассиодор пишет: „Так вот у усердных лигуров и преданных [нам] венетов все запасы, говорят, были унесены с полей: но теперь пусть они возродятся в амбарах, так как чересчур будет безбожно при полных складах заставить голодать работников земли, оставшихся с пустыми руками“¹⁷¹. Исходя из этого, король Теодат приказал префекту претория Кассиодору отдать распоряжение о продаже лигурам $\frac{1}{3}$ хлебных запасов Тичинских и Дертонских складов по цене 1 золотой солид за 25 модиев хлеба, а венетам из складов Тарвизианских и Тридентинских $\frac{1}{3}$ запасов на тех же условиях¹⁷². В послании Теодата весьма откровенно указывается на то, что помощь должна быть оказана только тем, от кого в будущем государство может получить пользу в виде уплаты ими налогов. „Может быть, — говорится в послании, — на щедроты захотят питаться бездельники: но тот, кто обрабатывает поле, обрекается в будущем на голод, если ему не придти на помощь именно тогда, когда будет нужно“¹⁷³. Более того, автор послания утверждает, что тот, кто спешит придти на помощь своим налогоплательщикам налогов, оказывает ее, чтобы возратить в будущем свои затраты¹⁷⁴.

¹⁶⁸ Cassiod. *Variae*, IV, 36, § 1.

¹⁶⁹ *Ibid.*, IX, 9, § 5.

¹⁷⁰ *Ibid.*, X, 27.

¹⁷¹ *Ibid.*, X, 27, § 2.

¹⁷² *Ibid.*, X, 27, X, 27, § 2, 3.

¹⁷³ *Ibid.*, § 1.

¹⁷⁴ *Ibidem*.

Во время особенно тяжелых бедствий правительство принуждено было даже прибегать к раздаче населению денег, но опять-таки для того, „... чтобы те, кто обнищали, так как тяжесть нужды их подавила, вновь поднялись бы“¹⁷⁵. В выспренных выражениях Кассиодор призывает плаательщиков податей „восчувствовать милосердие государей, которые при изменившихся условиях берут из казначейства то, что обычно вы туда вносили“¹⁷⁶.

После опустошения провинций Эмилии и Лигурии войсками бургундов правительство продавало голодающему населению хлеб по цене 1 солид за 25 модиев, в то время как продажная цена хлеба была 1 солид за 10 модиев¹⁷⁷. Кассиодор прославляет в своем послании подобное „благодеение“ и лъстиво восхваляет щедроты остготского правительства. Горьким сарказмом по отношению к несчастным жителям этих провинций звучат его лъстивые слова: „Провинции постиг голод во славу нашего государя: поля стали бесплодны, чтобы была познана щедрость нашего правителя. Менее приятным был бы дар, если бы ему не предшествовало несчастье. Радуйтесь, провинции, и воздавайте скорее благодарностью вашим бедствиям, так как вы имеете доказательство [величия] души вашего государя, которая не склоняется ни перед какими тяжелыми обстоятельствами“¹⁷⁸.

Таким образом, источники проливают некоторый свет на причины, заставившие остготское правительство несколько ограничить непомерную жадность чиновников фиска и судей: наряду со стремлением укрепить авторитет центральной власти, подобные меры были вызваны также опасением недовольства и выступлений народных масс и желанием их предотвратить. Кроме того, меры остготского правительства, направленные на пресечение вымогательства чиновников фиска, могли быть вызваны и нажимом со стороны крупных земельных собственников, также недовольных злоупотреблениями при сборе податей¹⁷⁹. Но, конечно, не подлежит сомнению, что более всего страдало от государственных налогов и вымогательств чиновников фиска именно свободное крестьянство Италии, непосредственно уплачивавшее налоги в казну.

Наряду с многочисленными демагогическими призывами к чиновникам фиска не грабить население и не обременять налогоплательщиков незаконными поборами, наряду с прославлением щедрости правителей, дарующих различные льготы плательщикам податей, остготское правительство во всех своих рескриптах и посланиях с особой силой подчеркивало, что первой обязанностью подданного является уплата податей, и только аккуратным внесением налогов он может заслужить похвалу государя¹⁸⁰.

Кассиодор в патетических выражениях восхваляет преданность тех граждан, которые „с радостью“ уплачивают подати; он пишет о том,

¹⁷⁵ Cassiod. *Variae*, XI, 15, § 1. Во время страшного голода в Лигурии в 534 г. правительство раздало 100 фунтов золота из казны особенно нуждавшимся гражданам. Наиболее пострадала в это время Гастенская городская община, совершенно задавленная налогами, поэтому правительство должно было даровать ей льготы по уплате податей. *Ibid.*, § 2.

¹⁷⁶ *Ibid.*, XI, 15, § 2.

¹⁷⁷ *Ibid.*, XII, 28, § 8.

¹⁷⁸ *Ibid.*, XII, 28, § 1.

¹⁷⁹ На это косвенным образом указывает предписание эдикта Теодориха, обязывающее сборщиков податей выдавать расписки на имя собственников земельных владений. При этом, для возбуждения судебного преследования против недобросовестного сборщика, владелец земли, по-видимому, должен был располагать известными средствами, необходимыми для ведения судебного процесса (*ETh*, § 144).

¹⁸⁰ Cassiod. *Variae*, XI, 7, § 1; XII, 16, § 1, 2.

„как прекрасно без страха присутствовать на форуме, не бояться фиска“ и выполнять свой долг не по принуждению, а по доброй воле¹⁸¹. Автор „*Variae*“ отмечает, что сила и могущество государства зиждется прежде всего на государственных налогах¹⁸², а забота о регулярном поступлении налогов является важнейшей обязанностью всех правителей, и на ней покоится порядок в государстве¹⁸³. Правительство требовало точной уплаты налогов и отменяло все отсрочки по их взносам¹⁸⁴. Кассиодор при этом следующим образом мотивирует эти мероприятия правительства: „Ведь отсрочка [уплаты] налога становится гричиной большего убытка, когда напрасно откладывается то, чего нельзя избежать никаким промедлением“¹⁸⁵. Одновременно он указывает и на злоупотребления чиновников фиска, которые за взятки предоставляли плательщикам отсрочки по внесению налогов, что должно быть пресечено самыми строгими мерами¹⁸⁶.

Остготское правительство требовало от правителей провинций точных сведений о количестве налогов и неукоснительного их взимания под угрозой штрафа¹⁸⁷. За несвоевременный сбор налогов правительство угрожало всем наместникам провинций и провинциальным судьям самыми строгими карами, вплоть до возмещения несобранных налогов из их состояния¹⁸⁸, и предупреждало о том, что за ними самими правительство установило самый бдительный надзор¹⁸⁹. Одновременно оно обещало награды тем, кто точно выполнит все его предписания¹⁹⁰.

Для обеспечения взимания податей остготское правительство посылало в помощь наместникам провинций своих солдат, которые должны были „воздействовать“ на налогоплательщиков¹⁹¹. В то же время оно лицемерно убеждало правителей воздерживаться от насилий. „Итак, действуйте, — писал Кассиодор, — но пусть ко мне скорее приходят похвалы вам, чем жалобы на вас“¹⁹².

Таким образом, несмотря на то, что остготское правительство иногда принуждено было лавировать и идти на некоторые уступки населению, основной целью его налоговой политики, конечно, оставалось полное обеспечение самыми строгими мерами неукоснительного поступления всех налогов с подвластного ему населения Италии.

Помимо государственных налогов и податей, свободное, но неимущее население Италии весьма сильно страдало также и от долговой кабалы и преследований кредиторов. Остготское законодательство восприняло из римского права суровые предписания против несостоятельных должников¹⁹³, особенно против должников фиска¹⁹⁴.

О крайней жестокости и беспощадности кредиторов по отношению к беднякам свидетельствуют данные эдикта Теодориха о случаях, когда кредиторы мешали родным предать погребению тело умершего несостоя-

181 Cassiod. *Variae*, XI, 7, § 2. Ср. XII, 16, § 2.

182 Ibid., XII, 16, § 1.

183 Ibidem.

184 Ibid., XI, 7, § 3, 4; XII, 2, § 5, 6.

185 Ibid., XII, 2, § 5.

186 Ibidem.

187 Ibid., § 6; XII, 16, § 4.

188 Ibid., XII, 16, § 4.

189 Ibid., XI, 7, § 4, 5.

190 Ibid., XI, 7, § 5.

191 Ibid., XI, 7, § 5; XII, 2, § 6; XII, 16, § 4.

192 Ibid., XI, 7, § 5.

193 ETh, § 131.

194 Ibid., § 71.

тельного должника¹⁹⁵. Один современник с возмущением рассказывал о том, что он лично наблюдал подобные трагические сцены: „... сколько раз я видел, как умершие задерживаются ростовщиками вместо залога, и им отказано в погребении, пока не будет уплачен долг“¹⁹⁶.

Подобные случаи свидетельствуют не только о беспощадности ростовщиков, но также и о бедственном положении неимущего, хотя и свободного населения Италии, обремененного непосильными долгами. Остготское правительство принуждено было включить в свое законодательство постановления, несколько ограничивавшие долговую кабалу, широко используя при этом предписания римского права¹⁹⁷. Так, например, эдикт Теодориха запрещает насильственным путем взыскивать долг с должника, который решительно и настойчиво утверждает, что долг им уже был уплачен. За насильственные меры, примененные в подобном случае кредитором, последний подлежит наказанию в виде уплаты должнику незаконно взысканной с него суммы в четырехкратном размере¹⁹⁸.

Законодательство остготского правительства принимало некоторые меры и по ограничению ростовщичества и взиманию незаконных процентов¹⁹⁹. Однако бросается в глаза то обстоятельство, что остготское (так же, как и римское) законодательство защищает интересы преимущественно должников из числа привилегированных слоев населения, располагающих известным имуществом: наиболее решительные меры принимаются против захвата кредиторами имущества, отданного в залог²⁰⁰. В подобных случаях правительство заботилось отнюдь не о защите прав беднейшего населения Италии, а главным образом — об охране интересов крупных собственников.

Одновременно, согласно законодательству остготов, право церковного убежища для несостоятельных должников было значительно ограничено установлением материальной ответственности духовенства за уплату долга²⁰¹.

Вместе с тем, если мы вспомним, что предписания эдикта Теодориха в равной степени распространялись как на римлян, так и на остготов, то станет очевидным, что включение в эдикт ряда статей, касавшихся долговой кабалы, ростовщичества и взаимоотношений между кредиторами и должниками, указывает на развитие долговых операций, а вместе с тем и долговой кабалы не только среди римского, но и „варварского“ населения Италии. Это, естественно, способствовало дальнейшему имущественному и социальному расслоению среди остготов.

Разорение свободного населения Италии приводило иногда к тому, что родители, не имевшие средств для прокормления себя и своей семьи, принуждены были продавать своих детей в рабство. Эдикт по этому поводу предписывал: „Если родители продают своих сыновей под влиянием крайней нужды — ради пропитания, то те [сыновья] не теряют своей свободы“²⁰². В других случаях, движимые крайней нуждой, свободные бедняки отдавали в залог кредиторам своих детей или закладывали и

¹⁹⁵ ETh, § 75. Cp. Cod. Just., IX, 19, 6.

¹⁹⁶ Ambrosius in Tobia, cap. 10: „... quotiens vidi a foeneratoribus teneri defunctos pro pignore, et negari tumulum, dum foenus exposcitur“.

¹⁹⁷ ETh, § 126, 134.

¹⁹⁸ Ibid., § 126.

¹⁹⁹ Ibid., § 134.

²⁰⁰ Ibid., §§ 123, 124, 135.

²⁰¹ Ibid., §§ 71, 126.

²⁰² Ibid., § 94.

сдавали „в наем“ их труд²⁰³. Относительно этого эдикт Теодориха предписывает следующее: „И никоим образом сыновья не могут быть отданы родителями кому-либо в качестве залога, и если, зная об этом, кредитор примет от родителей в качестве залога свободных [сыновей], то он отправляется в ссылку; ведь родители могут сдавать „в наем“ (locare) только труд сыновей, причем тех, которые еще находятся в их власти²⁰⁴. Очевидно, что разоренные свободные крестьяне Италии, в случаях крайней нищеты, принуждены были сдавать во временное пользование труд своих детей, посылая их на работы в имения крупных землевладельцев. Остготское правительство, запрещая отдавать свободным родителям в рабство и в залог кредиторам своих детей, фактически санкционировало сдачу их труда „в наем“ по договору locatio-conductio, что, конечно, было сделано в целях обеспечения работниками имений крупных землевладельцев.

Таким образом, беднейшее свободное население Италии в тот период истории остготского королевства, когда у кормила правления находилась остготская знать, продолжало страдать от тяжелых государственных налогов и злоупотреблений администрации, от притеснений и насилий со стороны знати²⁰⁵, от долговой кабалы и вымогательств ростовщиков.

Углубление социальной и имущественной дифференциации среди свободных готов и римлян приводило к тому, что часть обедневшего сельского населения Италии превращалась в зависимых людей, теряла свою землю и, движимая нуждой, вступала под патронат „могущественных“ лиц.

Рассмотрев довольно скудные данные источников о мелком свободном землевладении в остготском королевстве в конце V—начале VI в., мы приходим к заключению, что удельный вес мелкой крестьянской собственности в социально-экономической жизни Италии несколько возрос после остготского завоевания. Вместе с тем, при современном состоянии источников нет возможности с полной точностью определить масштабы распространения мелкого свободного землевладения и его соотношения с крупным землевладением остготской и римской знати. Однако мы можем наметить общую тенденцию развития остготского общества того времени. В основном эта историческая тенденция сводилась к тому, что мелкое свободное землевладение, несколько возросшее непосредственно после завоевания остготами Италии, в дальнейшем хотя и сохраняло некоторое значение, но постепенно все больше и больше начало уступать свои позиции крупному землевладению остготской и римской феодализирующейся знати.

В связи с общим процессом развития феодальных отношений в Италии уже началось поглощение мелкой свободной собственности крупным землевладением. Общинные отношения у остготов после завоевания Италии подверглись сильному воздействию частнособственнических форм хозяйства, господствовавших на Апеннинском полуострове, и, по-видимому, стали довольно быстро разлагаться²⁰⁶. Дальнейшее развитие остготского

²⁰³ ЕTh, § 94, 95; И. В. Шерешевский (Правовое регулирование „наемного труда“ в Риме, стр. 49 и сл.) считает, что „сдача в наем“ свободного человека по договору locatio-conductio была близка к самопродаже, и этот человек попадал в положение, весьма приближающееся к положению раба.

²⁰⁴ ЕTh, § 95. Ср. Paulus. Sententia, lib. V, tit. I, § 1.

²⁰⁵ Э. В. Удалцова. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. ВВ, т. IX, М., 1956, стр. 89—104.

²⁰⁶ Вопрос об общинных отношениях у остготов, представляющий большую сложность, не может быть освещен в рамках данной статьи и явится предметом специаль-

общества пошло по пути укрепления и расширения крупного землевладения.

На основе этих изменений в отношениях собственности протекал процесс формирования основных классов будущего феодального общества. Разорвавшиеся мелкие земельные собственники Италии составили в дальнейшем один из важных элементов складывающегося класса феодально-зависимого крестьянства.
